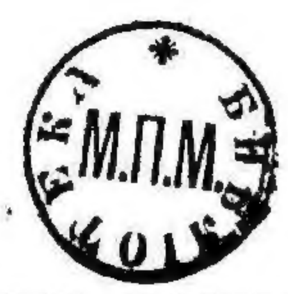

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛИТКЕ.

17-го сентября 1797 г. — 8-го августа 1882 г.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 17-го сентября 1897 г.).

Каждымъ шагомъ на пути прогресса человѣчество обязано иниціативѣ какой нибудь личности. Если условія времени и мѣста не благопріятствуютъ осуществленію новой мысли, она глохнетъ, пропадаетъ безслѣдно. Если же иниціаторъ угадалъ потребность времени и понялъ стремленія общества, то посаженное имъ сѣмя преуспѣваетъ, растетъ, видоизмѣняется подъ вліяніемъ окружающей среды, въ которую пускаетъ современемъ столь многочисленные и глубокіе корни, что становится какъ бы естественною ея принадлежностью, какъ бы продуктомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго творчества. Не смотря, однако, на этотъ процессъ постепеннаго измѣненія, которому подверглось и наше Общество со дня его учрежденія, — въ его организаціи, въ направленіи и характерѣ его дѣятельности и понынѣ глубоко отразилась выдающаяся, сильная личность его учредителя и перваго вице-предсѣдателя.

Большинство изъ здѣсь присутствующихъ еще живо помнятъ очеркъ исторіи возникновенія и полувѣковой дѣятельности нашего Общества, блестяще изложенной нашимъ глубокоуважаемымъ вице-предсѣдателемъ въ день пятидесятилѣтней годовщины Общества. Въ этомъ обзорѣ было воздано должное заслугамъ покойнаго графа Ѳеодора Петровича Литке. Попрошу вашего снисходительнаго вниманія, чтобы въ общихъ чертахъ возстановить въ вашей памяти

главнѣйшіе факты изъ его жизни и то выдающееся мѣсто, которое Ѳ. П. Литке занимаетъ въ исторіи науки и россійскаго просвѣщенія.

Въ автобіографіи, написанной въ концѣ 60-хъ годовъ, старецъ на склонѣ лѣтъ, оглядываясь на пройденный имъ жизненный путь, даетъ намъ живое, глубокопоучительное повѣствованіе о первой половинѣ своей жизни, заканчивая свой разсказъ временемъ своего назначенія въ 1832 году воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

О днѣ своего рожденія, — который мы сегодня съ признательностью вспоминаемъ, — Ѳ. П. говоритъ:

«Приближался первый и несчастнѣйшій часъ моей жизни. 17-го сентября 1797 г. сдѣлался я убійцею моей матери. Появленіе мое на свѣтѣ пережила она не болѣе двухъ часовъ. Но въ эти два часа, конечно, мать моя, ты усердно молилась о младенцѣ твоемъ, потому что однимъ святымъ твоимъ молитвамъ долженъ я приписать благословеніе Божіе, сопровождавшее меня на пути жизни, среди тысячи напастей, которыми онъ былъ усѣянъ.

«Сопоставленіе начала и вечера моей жизни объяснятъ мою мысль. Вотъ отрокъ, не знавшій никогда ласкъ матери, на одиннадцатомъ году лишающійся и отца, — круглый сирота, остающійся безъ призора, безъ всякаго воспитанія и ученія, въ самые опасные годы юношества окруженный примѣрами разврата, самыхъ грубыхъ нравовъ и всякаго соблазна, — что̀, по всей человѣческой вѣроятности должно было выдти изъ этого несчастнаго? Не долженъ ли онъ былъ погибнуть въ безднѣ невѣжества и разврата? И что жъ? Этотъ мальчикъ, во всю жизнь свою не имѣвшій ни одного порядочнаго учителя, дѣлается подъ старость президентомъ Академіи Наукъ; этотъ несчастный, обреченный на погибель въ развратѣ, удостоивается чести быть воспитателемъ одного изъ сыновей Царскихъ; этотъ заброшенный, не видѣвшій впереди ничего, кромѣ бѣдности и нищеты, доживаетъ свой вѣкъ въ довольствѣ! Не явенъ ли тутъ Промыслъ Божій, руководившій сироту!»

Эта выписка изъ автобіографіи Ѳеодора Петровича характеризуетъ его христіанское смиреніе и нѣсколькими штрихами сводитъ итогъ его жизни.

Неприглядное, тяжелое дѣтство было долею осиротѣвшаго мальчика. «Мое дѣтство, говоритъ Литке въ своей автобіографіи, не оставило во мнѣ ни одного пріятнаго воспоминанія, ни одного изъ

тѣхъ воспоминаній, которыя въ воображеніи большей части людей рисуютъ дѣтство въ такомъ розовомъ цвѣтѣ. Не знать ласкъ матери есть уже большое несчастіе. Но меня, кромѣ бабушки, никогда никто не ласкалъ. Но и отъ нея я былъ удаленъ уже въ томъ возрастѣ, когда ясное самосознаніе начинаетъ только развиваться».

Отецъ Өеодора Петровича Литке, обрусѣвшій сынъ лютеранскаго пастора, пришедшаго изъ Германіи, былъ человѣкъ недюжиннаго ума и по тогдашнему времени хорошо образованъ. Будучи адъютантомъ князя Н. И. Репнина, онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и отеческимъ расположеніемъ этого просвѣщеннаго вельможи, который покровительствовалъ Литке до конца своихъ дней.

Овдовѣвъ при многочисленномъ семействѣ, П. И. Литке, не смотря на пламенную любовь, которую питалъ къ первой женѣ своей, вторично вступилъ въ бракъ, можетъ быть въ надеждѣ обезпечить этимъ первоначальный уходъ своему Веньямину. Но выборъ оказался неудачнымъ. Молодая жена отравила послѣдніе годы жизни своему мужу, а пасынку своему была злой мачихой. Въ семилѣтнемъ возрастѣ отрока удалили изъ дома, отдавъ въ пансіонъ нѣкоего Мейера, гдѣ ученіе и воспитаніе велись самымъ рутиннымъ образомъ; 11-ти лѣтъ, т. е. со смертью отца, и до 15-тилѣтняго возраста мальчикъ остается безъ всякаго правильнаго обученія, живя у своего дяди, члена Государственнаго Совѣта Энгеля, человѣка блестящихъ дарованій, но не имѣвшаго ни твердой воли, ни твердыхъ правилъ, и предоставившаго воспитаніе своего родного племянника на произволъ судьбы. При ненасытной жаждѣ знаній, составлявшую отличительную черту его характера, и выдающихся умственныхъ способностяхъ, мальчикъ въ этотъ періодъ жизни перечиталъ чрезвычайное множество всякихъ книгъ, хорошихъ и дурныхъ, изъ обширной библіотеки дяди. Изъ этого чтенія, по его собственному мнѣнію, образовался лишь хаосъ въ головѣ, но, скажемъ мы, накопился также большой запасъ всевозможныхъ свѣдѣній и понятій, получившихъ впослѣдствіи, при болѣе сознательномъ и систематичномъ самообразованіи, должное размѣщеніе и освѣщеніе. Въ эти годы онъ, пользуясь всякимъ представлявшимся ему случаемъ, изрядно научился говорить по-нѣмецки и по-французски и немного по-англійски. Впослѣдствіи онъ этими языками владѣлъ въ совершенствѣ, хотя его роднымъ языкомъ всегда оставался русскій.

Событіемъ, критически и благопріятно повліявшимъ на всю судьбу Θеодора Петровича былъ, состоявшійся въ 1810-мъ году бракъ его старшей сестры Наталіи, съ капитанъ-лейтенантомъ флота И. С. Сульменевымъ.

Подъ вліяніемъ морской среды, въ которой юноша сталъ вращаться, въ немъ зародилось пламенное желаніе посвятить себя морской службѣ; при содѣйствіи зятя, онъ въ 1812 году поступаетъ во флотъ волонтеромъ, въ 1813 участвуетъ въ осадѣ Данцига, въ 1815 производится въ мичманы, а въ 1817 году, благодаря ходатайству И. С. Сульменева, назначается на шлюпъ «Камчатка», отправлявшійся въ «дальній вояжъ», какъ тогда выражались, подъ командою знаменитаго мореплавателя В. М. Головнина.

Въ тѣ времена кругосвѣтныя плаванія случались рѣдко; океанскія воды не были еще изборождены по всѣмъ направленіямъ судами, освобожденными изъ-подъ ига вѣтровъ. Необъятная океанская даль манила таинственною неизвѣстностью, борьба со стихіями вызвала къ дѣятельности всѣ силы ума и воли. На воспріимчивую душу юноши, на его пытливый умъ, воспріятія этого перваго путешествія оставили неизгладимыя впечатлѣнія, а суровая, но просвѣщенная школа такого начальника, какимъ былъ Головнинъ, оставили глубокій слѣдъ на характерѣ и на служебныхъ взглядахъ Литке.

Въ это же плаваніе завязалась его тѣсная дружба съ моимъ отцомъ, Фердинандомъ Петровичемъ Врангелемъ. «Для меня (писалъ въ 1868 г. Литке въ своей автобіографіи) было большимъ счастіемъ найти такого товарища: одинакія лѣта, одинакое направленіе скоро насъ сблизили и положили основаніе дружбѣ, болѣе полувѣка продолжающейся».

Послѣ двухгодичнаго плаванія, «Камчатка» вернулась въ Кронштадтъ осенью 1819 г.

Въ 1821 году Литке, по рекомендаціи Головнина, назначается начальникомъ экспедиціи для описи Новой Земли. Результаты экспедиціи, окончившейся въ 1824 году, Литке изложилъ въ сочиненіи, положившемъ основаніе его всемірной научной славѣ: «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ». Оно вышло въ свѣтъ уже въ 1826 году.

Нашъ почетный сочленъ О. В. Струве, въ рѣчи «объ ученыхъ заслугахъ Гр. Θ. П. Литке», читанной въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1882 г. говоритъ

объ этомъ сочиненіи: «Не ограничившись въ немъ сухимъ перечисленіемъ гидрографическихъ и географическихъ фактовъ, которые уже сами по себѣ составляли драгоцѣнный вкладъ въ науку, онъ украсилъ свою книгу на каждомъ шагу глубокообдуманнымъ разборомъ географическихъ и касающихся мореплаванія въ арктическихъ моряхъ вопросовъ, и въ видѣ введенія прибавилъ къ ней подробный историческій обзоръ всѣхъ до него предпринятыхъ, большею частью неудачныхъ, изслѣдованій Новой Земли и сосѣднихъ съ нею морей и странъ. «Одно это введеніе, важное не только въ историческомъ отношеніи, но и какъ руководство для каждаго мореплавателя въ арктическомъ океанѣ, представляетъ огромный трудъ. Какъ не удивляться рабочей силѣ, успѣвшей окончить такое объемистое сочиненіе не долѣе какъ въ полтора года. Эпиграфомъ къ нему авторъ избралъ слова Гумбольдта: «Une volonté forte et une persévérance active ne suffisent pas toujours pour surmonter les obstacles».

Этими словами Литке, вѣроятно, хотѣлъ указать на безуспѣшныя попытки свои пробиться сквозь ледяной поясъ, для обслѣдованія восточнаго берега Новой Земли. Мы знаемъ теперь, благодаря норвежскимъ китобоямъ, что для этого надобно было избрать болѣе позднее время года; тогда это еще не было извѣстно, а по инструкціямъ, даннымъ Литке, онъ долженъ былъ возвращаться на зимовку въ Архангельскъ и потому, не смотря на чрезвычайную настойчивость и рѣшимость искуснаго капитана, его слабый бригъ, подвергаясь величайшимъ опасностямъ въ этихъ негостепріимныхъ и неизслѣдованныхъ тогда еще моряхъ, не проникъ въ Карское море. Если по независѣвшимъ отъ него причинамъ часть поставленной ему задачи не могла быть выполнена, то тѣмъ не менѣе научные результаты его экспедиціи блестящи и открываютъ новую эру въ изученіи Бѣлаго моря и сопредѣльныхъ частей Ледовитаго океана.

Едва Литке успѣлъ окончить описаніе этого путешествія, какъ былъ назначенъ командиромъ шлюпа «Сенявинъ», готовившагося въ кругосвѣтное плаваніе. «Эта экспедиція (продолжавшаяся съ августа 1826 г. по августъ 1829 г.), говоритъ О. В. Струве, — была послѣднею и одною изъ наиболѣе успѣшныхъ въ ряду замѣчательныхъ экспедицій, организованныхъ нашимъ Морскимъ Министерствомъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія для изслѣдованій малоизвѣстныхъ морей и прибрежій. Сопровождали Литке въ это путешествіе, для производства естественно-историческихъ

изслѣдованій, извѣстные ученые: Мертенсъ и Постельсъ. Но главная часть ученыхъ задачъ, именно работы по части гидрографіи, картографіи и физики, лежали на самомъ Литке, при содѣйствіи сопровождавшихъ его морскихъ офицеровъ, работами коихъ онъ руководилъ, воодушевляя ихъ своимъ примѣромъ и рвеніемъ. Чтобы составить себѣ понятіе о богатыхъ результатахъ экспедиціи въ гидрографическомъ и географическомъ отношеніи, достаточно слѣдующей выписки изъ краткаго рапорта, представленнаго самимъ Литке по возвращеніи.

«Въ Беринговомъ проливѣ», говоритъ онъ: «опредѣлены астрономически важнѣйшіе пункты берега Камчатки отъ Авачинской губы къ сѣверу; измѣрены высоты многихъ сопокъ; описаны подробно острова Каролинскіе, дотолѣ вовсе неизвѣстные, островъ Св. Матвѣя, и берегъ Чукотской земли отъ мыса Восточнаго до устья рѣки Анадыря; опредѣлены острова Прибылова и многіе другіе.

«Въ Каролинскомъ архипелагѣ изслѣдовано пространство, симъ архипелагомъ занимаемое отъ острова Юалана до группы Улюѳый, открыто 12, а описано всего 26 группъ или отдѣльныхъ острововъ.

«Острова Бонинъ-Сима отысканы и описаны. Сверхъ того собрано много данныхъ для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, въ которыхъ шлюпъ останавливался, познанія теченій, приливовъ и отливовъ и пр.»

Всѣ эти результаты черезъ нѣсколько лѣтъ были обнародованы въ изданномъ въ 1832 г. Гидрографическимъ Депо Морского Министерства превосходномъ атласѣ, содержащемъ не менѣе 50 картъ и плановъ, при подробномъ описаніи, обработанномъ самимъ Литке.

Но помимо этого выдающагося обогащенія географіи и гидрографіи, Литке во время плаванія не упускалъ случая производить наблюденія метеорологическія, магнитныя и, наконецъ, его превосходные опыты надъ постояннымъ маятникомъ.

Объ этихъ наблюденіяхъ А. И. Вилькицкій, спеціалистъ по этому вопросу, говоритъ слѣдующее:

«Какъ извѣстно, наблюденія надъ маятникомъ, съ цѣлью опредѣленія фигуры земли, были начаты еще Лакондаминомъ въ прошломъ столѣтіи, но за несовершенствомъ методовъ наблюденій, маятникъ не далъ хорошихъ результатовъ и этотъ способъ опредѣленія фигуры земли вскорѣ былъ оставленъ, какъ недостигающій

цѣли; но затѣмъ, когда послѣ усовершенствованій въ устройствѣ маятника и въ методахъ наблюденій, сдѣланныхъ французскимъ ученымъ Борда, явилась возможность вновь обратиться къ маятнику, этими наблюденіями дѣятельно занялись, послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, французскіе и англійскіе моряки: Фрейсине, Дюперре и Сэбинъ. Изъ русскихъ мореплавателей взялъ тогда на себя эту же задачу, требующую особеннаго искусства въ наблюденіяхъ, Ѳедоръ Петровичъ Литке. Въ то время способъ Борда опредѣленій продолжительности качанія маятника уже былъ французскими моряками замѣненъ другимъ, но Литке, умѣвшій критически относиться ко всему, отказался слѣдовать по этому пути, и удержалъ способъ Борда, чѣмъ и выигралъ болѣе въ точности наблюденій.

«Наблюденія его на островахъ указали на большія тамъ аномаліи въ силѣ тяжести, особенно на островѣ Бонинъ, объясненіе которыхъ, какъ извѣстно, пережило до сихъ поръ много фазисовъ и было темою горячихъ споровъ въ наукѣ, отголоскамъ которыхъ не было чуждо и наше Географическое Общество. Нельзя также обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что, хотя во время его наблюденій уже былъ извѣстенъ оборотный маятникъ Кэтера, тѣмъ не менѣе Ѳедоръ Петровичъ отдалъ предпочтеніе способу относительныхъ измѣреній и тѣмъ поставилъ свои наблюденія въ независимость отъ качествъ теоріи того или другого способа абсолютныхъ измѣреній и несомнѣнно далъ возможность своимъ результатамъ навсегда остаться въ спискѣ признанныхъ изслѣдованій. Сочиненіе же его: «Опыты надъ постояннымъ маятникомъ» и по настоящій день не потеряло ни поучительности, ни литературнаго интереса».

Научная обработка всѣхъ этихъ наблюденій потребовала продолжительнаго времени, тѣмъ болѣе, что на самого Литке тотчасъ по возвращеніи было возложено важное служебное порученіе. Во время польской кампаніи онъ былъ отправленъ въ предѣлы Пруссіи для организаціи снабженія нашихъ войскъ провіантомъ. Здѣсь онъ подружился съ извѣстнымъ экономистомъ и государственнымъ дѣятелемъ Тенгоборскимъ. Исполнивъ блестящимъ образомъ это порученіе, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, снова занялся историческимъ описаніемъ путешествія и изданіемъ гидрографическихъ результатовъ.

Барометрическія наблюденія, производившіеся на «Сенявинѣ» впродолженіе 12-ти мѣсяцевъ черезъ каждые полчаса, обрабо-

талъ профессоръ Гельсингфорскаго Университета Гельстремъ, а магнитныя наблюденія — нашъ знаменитый академикъ Э. Х. Ленцъ.

Историческое описаніе путешествія, написанное самимъ Ѳ. П. Литке, было событіемъ въ географической литературѣ. Оно поражаетъ живостью изложенія и богатствомъ самыхъ разнообразныхъ замѣчаній, этнографическихъ, статистическихъ и историческихъ, касательно посѣщенныхъ имъ странъ.

Наша Академія Наукъ удостоила ученаго мореплавателя избраніемъ въ члены-корреспонденты, а за его сочиненіе присудило ему высшую награду — полную Демидовскую премію.

Изданіемъ этого, самаго выдающагося изъ его научныхъ трудовъ, оканчивается дѣятельность Ѳеодора Петровича какъ ученаго путешественника.

Осенью 1832 года онъ назначается воспитателемъ къ будущему генералъ-адмиралу флота, Великому Князю Константину Николаевичу.

Впродолженіе 16-ти лѣтъ, т. е. до вступленія въ бракъ Великаго Князя въ 1848 году, Литке находился почти безотлучно при своемъ Августѣйшемъ воспитанникѣ. Не только все свое время, но и всѣ свои помыслы онъ посвящаетъ добросовѣстному исполненію высокой задачи, возложенной на него довѣріемъ Монарха. И надобно сознаться, что задача была не легка. Не получивъ самъ правильнаго образованія, а своими обширными познаніями обязанный главнѣйше своему собственному труду, Литке долженъ былъ воспитывать юношу съ необыкновенными дарованіями и пылкимъ характеромъ, притомъ поставленнаго Провидѣніемъ на такую высоту, на которой непримѣнимы обыкновенные пріемы педагогики.

Царскія милости, коими былъ осыпанъ Ѳ. П. Литке, доказываютъ до какой степени онъ оправдалъ довѣріе Монарха, а Августѣйшій Воспитанникъ неизмѣнно сохранялъ къ нему глубокое уваженіе и безусловное довѣріе къ прямотѣ его характера и къ основательности его сужденій. Даже въ то время, когда Великій Князь уже вступилъ въ самостоятельное управленіе флотомъ и принялся за рядъ коренныхъ реформъ, поставившихъ Морское Вѣдомство во главѣ движенія, обновившаго весь административный строй Государства, даже и въ это время онъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ совѣтовался со своимъ бывшимъ воспитателемъ. Какъ въ архивѣ самого графа Литке, такъ и въ бумагахъ моего

отца, въ бытность его управляющимъ Морскимъ Министерствомъ, встрѣчаются тому многочисленныя доказательства.

Не взирая, однако, на блестящій успѣхъ своей воспитательской дѣятельности, какъ со стороны внутренней, по основательности и разносторонности, съ которыми были обогащены и развиты необыкновенныя дарованія его Августѣйшаго Воспитанника, такъ и со стороны внѣшней, по тѣмъ Высочайшимъ щедротамъ и милостямъ, коими онъ былъ осчастливленъ, не смотря на все это, Ѳ. П. Литке въ глубинѣ души считалъ эту дѣятельность не соотвѣтствовавшею его истинному призванію, которое онъ видѣлъ въ трудахъ научныхъ. Помимо другихъ указаній, мнѣ лично доводилось слышать изъ устъ старика сожалѣніе о томъ, что ему въ сравнительно раннюю пору пришлось не только прекратить самостоятельную ученую дѣятельность, но въ значительной степени сократить (за неимѣніемъ свободнаго времени), общеніе съ тѣмъ кругомъ выдающихся ученыхъ, съ которыми его связывала тѣсная дружба и куда его всегда манила неутолимая жажда знаній и серьезной мысли.

Чтобы судить о томъ, въ какой степени Литке въ эту пору своей жизни былъ проникнутъ духомъ строгой науки, какъ сознательно и глубоко онъ понималъ задачи, надъ рѣшеніемъ коихъ трудился, достаточно прочесть классическую инструкцію, данную имъ въ 1830 году извѣстному гидрографу М. Ф. Рейнеке, который, по настояніямъ Литке, былъ посланъ для описи Бѣлаго моря и для производства наблюденій надъ качаніемъ маятника.

Инструкція эта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ найденная въ дѣлахъ Архива Морского Министерства, кончается знаменательными словами:

«Что наблюдатель во всемъ пространствѣ исполнилъ уже свое дѣло, если, во-первыхъ, не пропустилъ безъ вниманія наималѣйшаго изъ обстоятельствъ, отъ коихъ зависитъ вѣрность опытовъ, а потомъ со всею откровенностью изложитъ всѣ данныя, не дозволяя себѣ измѣнить въ нихъ ниже одной цифры, и объяснилъ всѣ обстоятельства работы, его сопровождающія. Но безъ сихъ условій останутся труды его втунѣ, поелику не пріобрѣтутъ довѣренности».

Можно ли короче, полнѣе и яснѣе, преподать всю основу искусства производить наблюденія?

Не безъинтересно отмѣтить одно совпаденіе: въ упомянутомъ рапортѣ Литке о распространеніи наблюденій надъ маятникомъ,

который былъ найденъ въ Архивѣ только въ 1890 году, Ѳедоръ Петровичъ говорилъ о желательности наблюденій надъ маятникомъ въ Архангельской губерніи и на Новой Землѣ. Въ 1887 же году, когда Географическое Общество, рѣшивъ ввести въ кругъ своихъ занятій наблюденія надъ маятникомъ, пріобрѣло этотъ приборъ на средства, дарованные Государемъ Императоромъ Александромъ III, то первыя работы въ этомъ направленіи Общество, какъ бы вѣрное духу своего незабвеннаго учредителя, поручило лейтенанту Вилькицкому произвести какъ разъ на Новой Землѣ и въ Архангельскѣ. Этотъ трудъ былъ удостоенъ медали его же Графа Литке имени.

По вступленіи въ должность воспитателя Ѳ. П. Литке, поглощенный, особенно въ началѣ новой для него дѣятельности, ознакомленіемъ съ условіями и средствами для выполненія возложенной на него задачи, долженъ былъ на время отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ занятій и общества. Придворная жизнь и великосвѣтская среда, однако, всегда оставались ему чужды, не смотря на десятки лѣтъ, въ нихъ проведенныя. Его всегда влекло въ кругъ людей, одинаковыхъ съ нимъ научныхъ стремленій и интересовъ. Въ этомъ отношеніи наибольшее удовлетвореніе находилъ Ѳедоръ Петровичъ въ томъ обществѣ, къ которому по умственнымъ и родственнымъ связямъ принадлежалъ его ближайшій другъ Врангель. Этотъ кружокъ, такъ называемый «Akademisches Kränzchen», собирался поочередно у одного изъ его членовъ, гдѣ послѣ научнаго сообщенія хозяина дома или одного изъ его гостей, происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей въ непринужденной бесѣдѣ.

Главою, если можно такъ выразиться, primus inter pares этого кружка былъ геніальный Бэръ, а душою его сталъ А. Миддендорфъ, по возвращеніи изъ сибирскаго его путешествія. Такія свѣтила науки, какъ В. Я. Струве и его сынъ Отто Васильевичъ, Ленцъ, Остроградскій, Якоби, Савичъ, Купферъ, Гельмерсенъ, Кеппенъ, Веселовскій, впослѣдствіи Максимовичъ, Шренкъ, Безобразовъ и другіе, были дѣятельными его членами. Это былъ не замкнутый кружокъ и каждый изъ его членовъ могъ приглашать къ себѣ кого желалъ; молодые ученые почитали приглашеніе на эти вечера за великую честь и счастіе.

Въ кругу нѣкоторыхъ изъ этихъ-то друзей его, впервые обсуждалась и приняла опредѣленную форму, давнишняя мысль Ѳ. П. Литке, объ учрежденіи Россійскаго Географическаго Общества, на подобіе Лондонскаго.

Благодаря умѣлому привлеченію въ число учредителей выдающихся представителей различныхъ группъ тогдашняго образованнаго петербургскаго общества и благодаря тому научному авторитету и личному довѣрію, коими пользовался Ѳ. П. Литке въ правительственныхъ сферахъ, его мысль могла осуществиться при условіяхъ, благопріятныхъ для ея дальнѣйшаго развитія.

Въ исторіи полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, составленной П. П. Семеновымъ, изложена борьба, которую пришлось выдержать Ѳеодору Петровичу на первыхъ порахъ, дабы отстоять тѣ начала организаціи Общества, которыя обезпечивали бы за нимъ надлежащую прочность и устойчивость. Нельзя не вспомнить съ признательностью, что твердой волѣ Ѳеодора Петровича, его глубокому пониманію истинныхъ задачъ учреждаемаго Общества и условій ихъ выполненія оно въ значительной степени обязано успѣхомъ своей дѣятельности и тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое оно всегда занимало среди другихъ подобныхъ учрежденій.

Въ первое пятилѣтіе существованія Общества Ѳ. П. Литке, въ качествѣ вице-предсѣдателя, принималъ самое выдающееся участіе во всѣхъ его дѣлахъ, но въ общемъ собраніи 1850 года М. Н. Муравьевъ, получилъ при баллотированіи на должность вице-предсѣдателя 1-мъ голосомъ болѣе Ѳ. П. Литке и занялъ его мѣсто.

Вскорѣ послѣ этого Ѳ. П. Литке, назначенный командиромъ Ревельскаго порта, покинулъ Петербургъ.

Въ разсмотрѣнный нами періодъ его жизни, проведенный при особѣ Великаго Князя, протекла и его счастливая, къ сожалѣнію лишь кратковременная, брачная жизнь.

Въ 1836 году Ѳеодоръ Петровичъ женился на Miss Brown, воспитательницѣ Великой Княжны Александры Николаевны, дѣвицѣ отличавшейся красотою и высокими достоинствами ума и сердца. Преждевременная кончина въ 1843 году его жены, горячо имъ любимой, привела его въ отчаяніе, отъ котораго онъ не скоро оправился; эта утрата осталась навсегда открытою въ его сердцѣ раною, которая до конца его дней придавала оттѣнокъ грусти его характеру, не смотря на порывы веселости, которымъ онъ любилъ иногда предаваться, даже въ старости.

Въ Ревелѣ Ѳ. П. Литке оставался 3 года, а въ ноябрѣ 1853 года назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Этотъ постъ онъ занималъ впродолженіе первой восточной войны, будучи въ октябрѣ 1855 года назначенъ членомъ Государствен-

наго Совѣта. Съ этого времени и до своей кончины въ 1882 году Ѳеодоръ Петровичъ зимою не покидалъ Петербурга, лѣтомъ же обыкновенно отдыхалъ въ своемъ помѣстьи Авандусъ, пріобрѣтенномъ имъ въ 1847 году въ Эстляндіи, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ его друга Врангеля.

Призванный къ участію въ высшихъ государственныхъ дѣлахъ, Ѳ. П. Литке съ обычною добросовѣстностью и трудолюбіемъ исполнялъ и эти свои обязанности, но дѣятельнаго и выдающагося участія въ нихъ не принималъ, за исключеніемъ преобразованій Морского Вѣдомства, предпринятыхъ по почину юнаго генералъ-адмирала.

Въ пространныхъ запискахъ по вопросамъ, поставленнымъ Великимъ Княземъ на его обсужденіе, Ѳеодоръ Петровичъ, со свойственною ему ясностью изложенія и широтою взгляда, высказываетъ и обосновываетъ свое мнѣніе, которое вѣроятно часто вліяло въ благопріятномъ смыслѣ на теченіе дѣлъ.

Въ вопросахъ же обще-государственныхъ, глубоко тревожившихъ и его патріотическую душу, онъ воздерживался отъ рѣшительныхъ мнѣній, считая себя въ этихъ вопросахъ не компетентнымъ.

Талантливый біографъ графа Ѳ. П. Литке, покойный академикъ В. П. Безобразовъ, близко знавшій его и пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ, высказываетъ по этому поводу замѣчанія, которыя мнѣ кажутся чрезвычайно мѣткими.

«Графъ Литке», говоритъ онъ, «не чувствовалъ никакого въ себѣ влеченія къ государственной дѣятельности; онъ несъ государственныя должности только по чувству долга, которое было въ немъ всесильно, покоряясь всегда,—иногда скрѣпя сердце,— велѣніямъ священной для него верховной власти.

«Графу Ѳ. П. не доставало многихъ свойствъ, нужныхъ для государственнаго человѣка, и этотъ недостатокъ истекалъ изъ его нравственныхъ качествъ. Онъ былъ чуждъ не только всякому тщеславію, но и всякому честолюбію и властолюбію, а безъ этихъ стимуловъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, люди не выступаютъ на трудное и столь отвѣтственное государственное поприще. При чрезвычайной скромности мнѣній о самомъ себѣ, ему совершенно недоставало той самоувѣренности, которая необходима для всякой творческой и властной государственной дѣятельности.

«Съ выше намѣченными нами нравственными чертами гр. Ѳ. П.

находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи мнѣніе о немъ многихъ, мало знавшихъ его людей. Онъ представлялся многимъ человѣкомъ властнымъ и даже деспотическимъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Послѣднее свойство уже никоимъ образомъ не подходило къ его характеру. При всей рѣшительности взглядовъ на дѣло, онъ всегда охотно выслушивалъ возраженія, даже отъ подчиненныхъ лицъ, всегда уступалъ имъ, если убѣждался въ ошибочности своихъ мнѣній, хотя вслѣдствіе его темперамента и морского воспитанія, отъ него и приходилось подъ часъ испытывать, въ этихъ случаяхъ, рѣзкія выходки. При этомъ нужно замѣтить, что никогда самое крайнее разногласіе мнѣній не оставляло ни малѣйшей въ немъ горечи и ни малѣйшаго слѣда въ личныхъ съ нимъ отношеніяхъ.

«Графъ Ѳ. П. былъ дѣйствительно очень строгъ и требователенъ въ дѣловыхъ и служебныхъ отношеніяхъ, но это происходило не отъ властолюбія или надменности, а было обусловлено въ немъ только сильнымъ чувствомъ долга и духомъ дисциплины, выработаннымъ въ суровой морской школѣ. Онъ также строго требовалъ исполненія долга отъ другихъ, какъ и отъ себя самого.

«Если же онъ находилъ въ своихъ подчиненныхъ и сотрудникахъ любовь къ работѣ и добросовѣстный трудъ, то относился къ нимъ съ величайшимъ снисхожденіемъ и довѣріемъ. Иначе, онъ относился къ нимъ рѣзко противоположно; въ этихъ случаяхъ онъ бывалъ безпощаденъ. При своемъ высокомъ умѣ, онъ никогда не доводилъ, однако, духъ служебной дисциплины до педантизма; рутинную дисциплину и ея пустой формализмъ онъ презиралъ, а велъ себя съ младшими, которыхъ любилъ и уважалъ, какъ старшій товарищъ. Такимъ онъ бывалъ въ Академіи Наукъ и въ академическихъ кружкахъ».

Къ этимъ словамъ В. П. Безобразова прибавлю, что, по моему сужденію о Ѳеодорѣ Петровичѣ, въ его умѣ изъ двухъ главныхъ свойствъ, необходимыхъ для научной работы: критики и воображенія, преобладалъ элементъ критическій; для активной же государственной дѣятельности нужно обратное соотношеніе.

Въ послѣдній періодъ жизни графа Литке, дѣятельность его была преимущественно посвящена Географическому Обществу, дѣлами котораго онъ снова руководилъ съ 1857 по 1872 г., и Академіи Наукъ, президентомъ коей онъ оставался съ 1864 г. по 1882 г. Въ эти годы, не смотря на преклонный возрастъ, онъ не

переставалъ слѣдить за движеніемъ науки, проводя большую часть дня за чтеніемъ. Помню, какъ меня, слушателя Морской Академіи, поразило, когда я засталъ старика за изученіемъ одного изъ тяжеловѣснѣйшихъ нѣмецкихъ трактатовъ, сочиненія A. Mühry о теоріи вѣтровъ.

Заслуги графа Ѳеодора Петровича Литке по отношенію къ Географическому Обществу, его любимому дѣтищу, вамъ хорошо извѣстны; сравнительно недавно еще они получили въ средѣ Общества оцѣнку со стороны самаго компетентнаго въ этомъ вопросѣ лица, поэтому я на нихъ останавливаться не буду.

Что же касается до его дѣятельности какъ президента Академіи Наукъ, то часто приходилось встрѣчаться съ сужденіями неблагопріятными для него.

Воздерживаюсь высказать какое либо мнѣніе по этому вопросу.

Несомнѣнно одно, что графъ Литке занялъ президентское кресло Академіи въ весьма трудную, переходную эпоху и при условіяхъ ея дѣятельности, существенно измѣнившихся съ тѣхъ поръ, когда онъ, въ 30-хъ годахъ, вступилъ въ ея среду.

Въ то время преобладающимъ элементомъ и по численности, и по научному вѣсу, были академики нѣмецкаго происхожденія, преимущественно остзейцы—Бэръ, Струве, Ленцъ, Гельмерсенъ. Миддендорфъ, Купферъ, Брандтъ и другіе. Передъ ихъ научнымъ авторитетомъ онъ привыкъ преклоняться, въ ихъ просвѣщенномъ обществѣ отдыхалъ душою. Въ тѣ времена національный вопросъ еще не обострился и если уже кое гдѣ замѣчались признаки его постепенно возрастающаго значенія, то все же это было движеніе, не представлявшее тогда еще мощной общественной силы.

Намъ, переступившимъ за 50-лѣтній возрастъ, памятна перемѣна, происшедшая въ этомъ отношеніи начиная съ 60-хъ годовъ. Общій пересмотръ стараго режима, пробужденіе общественнаго самосознанія при наплывѣ свѣжихъ силъ, все это отразилось и на внутренней жизни Академіи Наукъ, дотолѣ стоявшей внѣ общественныхъ и политическихъ движеній, служа, подъ сѣнью сильной власти, одной наукѣ.

Не входя здѣсь въ сравнительную оцѣнку прежняго порядка вещей въ Академіи, и новыхъ къ ней требованій общества, можно съ увѣренностью сказать, что сочувствіе президента было на сторонѣ старыхъ традицій. При разыгравшихся съ обѣихъ сторонъ страстяхъ, нужна была бы искусная и твердая рука, чтобы

провести ввѣренный его управленію корабль, изъ взбаламученнаго моря политическихъ страстей и интригъ, въ тѣ безмятежныя воды научной работы, для которыхъ онъ былъ уснащенъ и предназначенъ. Межъ тѣмъ съ годами слабѣли силы кормчаго, рѣдѣлъ рядъ богатырей, составлявшихъ славу и силу прежней Академіи; ихъ замѣстили новые, ему чуждые люди; задача — устоять противъ требованій времени — была тщетна и неблагодарна. Лица, близко стоявшіе къ графу Литке, знали, какъ онъ страдалъ отъ всей этой смуты и какъ горько было ему видѣть несправедливую оцѣнку его стремленій, всегда направленныхъ къ благу дорогой ему Академіи.

Усердное и успѣшное заступничество графа Ѳ. П. Литке выразилось въ значительномъ расширеніи всѣхъ учрежденій, связанныхъ съ Академіей, и общимъ увеличеніемъ ея средствъ. Предметомъ особеннаго его попеченія были обсерваторіи: Главная Физическая и Николаевская Пулковская, относительно которой графъ Ѳеодоръ Петровичъ памятовалъ завѣтъ Императора Николая I, чтобы учрежденная имъ обсерваторія всегда была на высотѣ современной науки; Главная же Физическая Обсерваторія обязана графу Ѳ. П. Литке не только чрезвычайнымъ увеличеніемъ ея средствъ, но и учрежденіемъ магнитной обсерваторіи въ Павловскѣ, по полнотѣ устройства не имѣющей равной себѣ въ Европѣ.

Попутно съ нравственными невзгодами и ударами, давала себя чувствовать и физическая немощь старости. Не смотря на крѣпкое здоровье графа Ѳеодора Петровича, недуги одолѣли его подъ конецъ его 85-ти-лѣтней жизни, и послѣдніе два года были крайне для него мучительны.

Его слухъ и зрѣніе ослабли уже нѣсколько лѣтъ до его кончины; онъ лишился главныхъ своихъ наслажденій: чтенія и музыки. При своей непоколебимой вѣрѣ въ безсмертіе духа, Ѳеодоръ Петровичъ переносилъ эти земныя страданія съ христіанскимъ смиреніемъ и твердостью, ожидая смерти, какъ избавленія.

8-го августа 1882 г. его не стало.

Графъ Ѳ. П. Литке заканчиваетъ свою автобіографію слѣдующими словами:

«Цѣль этой записки», пишетъ онъ, «представить моимъ дѣтямъ очеркъ первой половины моей жизни, изъ котораго они могутъ увидѣть, какъ круглый сирота, въ первые годы своей юности почти заброшенный, безъ всякой протекціи, можетъ, съ по-

мощью Божіей, собственными трудами пробить себѣ дорогу въ жизни и оставить своимъ потомкамъ доброе, незапятнанное имя».

Имя свое графъ Өеодоръ Петровичъ Литке занесъ въ лѣтописяхъ исторіи науки своими учеными работами, а дѣятельностью всей свой трудовой жизни оставилъ глубокій слѣдъ въ развитіи просвѣщенія нашего отечества, которому онъ былъ славный, честный, беззавѣтно преданный слуга.

Баронъ Ф. Врангель.
Д. чл. И. Р. Г. О.

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXXIII тома «Извѣстій» Общества.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.